

Гарбовский Н.К. Теория перевода : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / Н.К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

Гвишиани Н.Б. Современный английский язык. Лексикология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Н.Б. Гвишиани. – 2-е изд., стер. – М. : Academia, 2009. – 218 с.

Масленникова Е.М. Dutch, The Dutch и A Dutchman в англоязычной лингвокультуре / Е.М. Масленникова. – Вестник Тверского гос. ун-та. – Сер. «Филология». – 2010. – Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 62-73.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРОПЫ В ПОЭЗИИ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Л.В. Пенязина

*Научный руководитель: М.В. Слаутина,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Выразительные возможности грамматики до недавнего времени незаслуженно оставались на периферии исследовательского интереса филологов. Отчасти это было связано с тем, что во второй половине XX века в лингвистике господствовал структурализм, представляющий язык строго организованной и иерархически упорядоченной системой взаимосвязанных элементов. Поскольку грамматический уровень является строго кодифицированным, возможность неузуального, переносного употребления грамматических категорий и форм практически не рассматривалась. Однако художественная литература шла вразрез с подобными утверждениями – с приходом модернизма в произведениях художников начало появляться множество употреблений, ошибочных или недопустимых с точки зрения традиционной грамматики. Этот факт не мог не вызвать интереса у филологов и в конце концов побудил не только к признанию окказиональных грамматических употреблений особенностями художественного языка того или иного писателя, но и к осознанию того, что грамматические категории обладают немалыми выразительными возможностями: неузуальное (переносное) употребление грамматических форм и категорий нередко является экспрессивным. В этом случае, помимо прочего, оно представляет собой дополнительный показатель системности языка, поскольку позволяет проследить переносное употребление форм не только на лексическом уровне. Благодаря этому использование одной грамматической формы в значении другой нередко называется *грамматической метафорой* [Москвин 2007: 196, 210], соотносительно с метафорой лексической.

Грамматические тропы нужно рассматривать в соотношении с языковой нормой, поскольку они образуются путем отклонения от нормы

или ее нарушения. Как правило, чем выше степень отклонения, тем ярче производимый эффект.

Большое внимание выразительным возможностям грамматики уделяли футуристы, также эти тропы широко распространены в современной поэзии постмодернизма. В данной статье мы хотели бы коснуться творчества Андрея Вознесенского, одного из наиболее ярких художников не только своей эпохи, но и всего XX в. Его поэзия, как и поэзия других шестидесятников, отличается одновременно душевной лиричностью и открытой публицистичностью, которая требует яркой, выразительной, запоминающейся, «выпуклой» [Плеханова 2007: 169] формы, «графической четкости линий, крупных мазков» [Лейдерман, Липовецкий 2001: 89]. Этим объясняется и лозунговость его поэзии, и насыщенность текстов тропами – неожиданными, яркими метафорами, сравнениями, эпитетами, гиперболами, и активное словотворчество, и вольное обращение с языком на всех его уровнях, в том числе – на грамматическом. На материале его произведений мы отмечаем, какие грамматические формы и категории оказываются наиболее продуктивными для создания экспрессивного эффекта. Типы неузальных употреблений являются специфическими для каждой части речи. Поэтому нам кажется целесообразным классифицировать их согласно отнесенности к тому или иному категориально-грамматическому классу слов.

Глагол оказывается наиболее показательным при рассмотрении грамматических тропов. Наиболее характерны следующие случаи:

а) неузальное образование императива. Как правило, повелительное наклонение образуется от глаголов несовершенного вида. Исключением могут стать случаи, когда императив употребляется как предупреждение: *поберегись! не упади!* [Норман 2006: 65]. Однако в текстах А. Вознесенского встречаются образования типа *не возврати, не скажите* и др. По-видимому, это можно объяснить тем, что императив, образованный от глагола совершенного вида, указывает на окончательность и завершенность действия, то есть действие должно совершиться один раз и навсегда. К тому же, такая форма благодаря своей необычности воспринимается как более категоричная по отношению к стандартной.

б) неузальное образование безличной формы (*бежалось, хнычется, плачется* и т.п.). Как известно, глаголы неодинаково «предрасположены» к употреблению в безличной форме. Она привычно образуется от глаголов *жить, хотеть, спать*, но для глаголов типа *бежать, хныкать, плакать* она нехарактерна. Используется безличная форма для того, чтобы показать, что действие осуществляется без участия субъекта и независимо от его воли, как бы само по себе. Внимание акцентируется непосредственно на действии, а не на субъекте. В подобных случаях безличная форма уподобляется словам категории состояния, действие

воспринимается как состояние (ср.: *мне грустно – у меня грустное настроение, я нахожусь в состоянии грусти; мне плачется – я нахожусь в таком состоянии, что постоянно плачу*).

в) образование деепричастий на -а/-я от глаголов совершенного вида (вянем, уши *растопыря*; дверь *приотворя*; хрипит, *стерпя* и т.п.) нередко свидетельствует об одновременности основного и добавочного, выражаемого деепричастием, действий. Однако порой подобное употребление объясняется следующим образом: глаголы совершенного вида, в отличие от глаголов несовершенного вида, *полиситуативны*, то есть обозначают не только непосредственно действие, но и состояние перед его началом/завершением либо после начала/завершения. Суффиксы -а/-я, как уже было сказано, несут в себе значение действия, совершаемого одновременно с другим действием. Таким образом, происходит своеобразное наложение видовой семантики и семантики формообразующих аффиксов деепричастия, что приводит к следующему комплексному результату: добавочное действие, называемое деепричастием, воспринимается как совершенное до начала основного действия, но продолжающееся вместе с ним.

Имя существительное также предоставляет большие возможности для неузального употребления форм, в котором выделяются следующие типы:

а) образование форм множественного числа от существительных sg.f. (*перечисление ед; из пиц; сколько ложей* и т.п.). Связано оно с тенденцией воспринимать собирательные и абстрактные существительные как конкретные в результате переосмысления их значения. *Еда* и *пища* в вышеуказанных контекстах воспринимаются не как совокупность блюд и продуктов вообще, но как отдельные кушанья; *ложь* – как отдельный конкретный случай озвучивания заведомо ложной информации, обмана.

б) употребление имен собственных в значении нарицательных. Как говорит В. Санников, «имена единичных общеизвестных предметов или лиц употребляются тут в значении «предметы или лица типа Х» [Санников 1999: 86] на основе явного сходства каких-либо признаков. Касается это в первую очередь наименований географических объектов (*по Тамбовам и Обнинскам; от Коломн и Клязьм; Вены и Парижи* и т.п.). Также в значении нарицательных употребляются имена собственные, называющие фамилии известных людей (*Карузы; Паганини и Касальсы; Дарвины, Рошали* и т.п.) Имена в данном случае служат окказиональным гиперонимом для обозначения людей, которых объединяет какой-либо значительный признак (*Дарвины и Рошали* – ученые-биологи, антропологи, медики; *Карузы, Паганини, Касальсы* – выдающиеся певцы, музыканты, композиторы).

в) ненормативное образование падежно-числовых форм. Сюда

относятся употребление окончаний *-а/-я* в им. и вин.п. мн.ч. (*мои выговора; снижают скорость* и т.п.); склонение по продуктивным моделям несклоняемых заимствованных существительных (*от шанели; из «вольвы»* и т.п.); приписывание числа по внешнему облику иноязычного слова (*божьи хобби; бикини ...ей были велики* и т.п.). Нередко такие формы используются при создании речевого портрета персонажа.

В меньшей степени неузуальное употребление форм характерно для имени прилагательного. Нужно сказать, что основная тенденция, характерная для данной части речи, – *окачествование* относительных прилагательных. Оно неизменно связано с развитием вторичных переносных значений и влечет за собой образование степеней сравнения и кратких форм от таких прилагательных (*года, что нет ночнее; будто перестал быть чужестранен* и т.п.). В текстах А. Вознесенского такие случаи нечасты. В то же время в них наблюдается образование степеней сравнения от прилагательных, являющихся качественными, но называющих абсолютный признак, положительная степень которого уже говорит о максимально возможной степени проявления (*божественный, истинный, святой, одинокий*). Поэтому формы типа *божественней, истинней, святее, одиночайший* указывают на потерю признаком абсолютности.

Подытоживая вышеизложенное, мы можем отметить следующее: грамматические тропы широко распространены в текстах А. Вознесенского. Это можно объяснить тем, что в их основе лежит необычность и/или неправильность, которая способствует повышению выразительности текста и неизменно выделяется читателем. Поэтому эти средства выразительности в числе многих других очень востребованы авторами, склонными к созданию произведений с яркой внешней формой. К таким авторам, без сомнения, можно отнести и А. Вознесенского.

Список литературы

- Вознесенский А.А.* Собр. соч. : в 5 т. / А.А. Вознесенский. – М. : Вагриус, 2001.
- Лейдерман Н.Л.* Современная русская литература : учеб. пособие для вузов : в 3 кн. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
- Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминологический словарь / В.П. Москвин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 940 с.
- Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М. : Флинта, 2006. – 342 с.
- Плеханова И.И.* Русская поэзия 50-80-х годов XX века : учеб. пособие / И.И. Плеханова. – Иркутск : [Иркут. гос. ун-т], 2007. – 352 с.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 543 с.